

Геннадий Липкин-
Дивинский

Раннее Коллапсар

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelredami

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Геннадий Яковлевич Липкин-Дивинский

Раннее и коллапсар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36063563

SelfPub; 2018

Аннотация

Автор – один из лучших поэтов современности, основоположник поэзии Третьего тысячелетия. Он гениальный мастер слова, каламбура, рифмы, аллитерации. Его творчество – это новое слово в русской и мировой литературе. Своими произведениями он выделяет, подчёркивает величие русского языка. Содержит нецензурную брань.

ГЕННА/ДИЙ ЛИПКИН– ДИВИНСКИЙ (ЛИ-ДИВ)

СТИХИ, БАСНИ, ПОЭМЫ, КАЛАМБУРЫ, ПУБЛИЦИСТИКА

Р А НеНоЕ Е

В пригородном

Сквозь туман, года и мглу пригородный мчит.
Я сижу почти в углу. В животе урчит.
Уплетает бутерброд некто за спиной.
"Человечество-суть сброд!" – воет дед дурной.
Он, пожалуй, целый час так уже трандит.
Старческий гнилой анфас, неопрятный вид.
Я к холодному стеклу головой приник.
Холодно же тут в углу. Входит проводник.
"Слушай, деда, не кричи! Высажу сейчас!"
Тепловоз взревел в ночи в неизвестность мчась.
Сотни ра/дужных огней воссияли вдруг,
череды минувших дней обозначив круг.
Приближается вокзал; станция моя.
Мысленно себе сказал: "Вот и дома я!" ~74/75 и 94

Небо синее

Небо синее, чёрно-синее. Нет на нём ни единой звезды.

Солнце где-то на/д Абиссинией. Здесь же— тьма, степь и вёрсты езды.

Поле белое, чёрно-белое. У дороги деревья стоят.

Молодые худые несмелые; коченея от холода, спят.

Утро позднее, утро зимнее. Неохотно забрезжил рассвет.

Облака проявились дымные. Это всё я не выдумал, нет.

Это всё я увидел воочью; и рассвет, и деревья, и снег;

между пасмурным утром и ночью сквозь автобуса медленный бег. ~75

Самолёты, как рыбины с львиными мордами,

утопают в снопах жёлто-рыжих лучей,

к небу выставив спины свинцовыми хордами,

безразличные к массе людских мелочей.

Мир для меня— ахроматичен. Смотрю сквозь серые глаза.

В стихах угрюм и неэтичен. Когда случайная слеза

тоскливо, нехотя и скупно ползёт по пористой щеке.

Всё пасмурно вокруг и глупо. И ручка чёрная в руке.

Когда же я в хорошем духе, то жизнь мне видится в цветах

и в тополином лёгком пухе с улыбкой детской на устах.

Сквозь ра/дужную оболочку на всех доверчиво гляжу.

Былой обиды не держу; и стих подобен ангелочку.

Принимает жизнь формы разные; дорогие нам и опасные.

То безформенно— безобразные, то терпимые, то прекрасные.

И нельзя нам её перестраивать, отвергая плоды "неудачные"

красотою себя лишь опаивать, мир шлифуя бумагой наждачною.

Все полезно до маленькой малости; я к такому пришёл убеждению.

Эти наши беспечные шалости приведут на земле к вырождению.

Послесловие к легенде (в лицах)

Как странно ясен день апрельский! Окрест толпится, ропщет люд:

"Ужо тебе, Марк Корнуэльский— чванливый, стонущий верблюд!"

Где твои ра/дости и грёзы? В воде по пояс Горвенал кромсает волны и сквозь слёзы рычит: "О, если бы я знал!" (люд)"Все ухищрения насмарку. Как бледен; дёргается бровь"

"Не удалось безумцу Марку разрушить силой их любовь!" (Марк)"Я был отважный смелый воин. Я славен был и был богат;

всегда почётом удостоен. Но стал их прихотью рогат.

Я, после этого позора, Тристана проклял; не убив;

порок их тем усугубив... Негневною не вижу взора"

"Ты, пёс неверный; ты, дебил, дитя, что вымахал верзилькой;

любил ли ты с такою силой, как я обеих их любил!?"

(Горвенал) "Как всё бессмысленно и глупо! Как жалок этот человек!"

.....
На берегу два юных трупа. Два сердца, слившихся навек.

~76 и 96

Космопоэг

1

Не увижу больше никогда я родной Земли, родного края.

Захватила в плен меня звезда чёрная враждебная чужая.

В этом мире; как бы не пропасть. Мысли лихора/дит и спекает.

Открывает ведьма пропасть-пасть и в меня кошмаром проникает.

Взгляд замороженный— на экран, на её оскаленную морду.

Нет спасенья, на/до на таран; и пробить ей спину, череп, хорду.

Боже мой, какая круговерть! Звездолёт трясёт, несёт, швыряет.

Им уже никто не управляет. И его сейчас постигнет смерть.

Но откуда выплыла Земля синяя, зелёная, земная,
маленькая, тёплая, смешная, кораблю спасение суля?

А вокруг неё бе/сился смерч, прыгали воинственные
кляксы,

щёки на/дувала гуттаперч, и мрачнели тучи цвета ваксы.

Космос необъятный и хмельной плёл клубок чудовищно-
го стресса,

словно издеваясь на/до мной, изучая ра/ди интереса.

Мне бы здесь сейчас другой клубок, смотанный рукою
Ариа/дны.

Но неотвратимо манит рок в лабиринты, будь они нела/
дны.

2

Век два/дцатый. Город Росток. В интернате Ги Шварцкоп,
смуглый худенький подросток, смотрит в школьный теле-
скоп.

Направляет на Гиа/ды. Уж не Альфа ли Тельца
и звёзд млечных мириа/ды смели погубить отца?

Телескоп в гиперболоид превратив, он часть Вселенной.
жжёт, как выцветший таблоид. Болью в чашечке коленной
отозвалось. Плачет мальчик; в этом мире— одиноко.

Где же дед его, Кармаль Чик— земледелец с Ориноко?

Об отце ему недавно мать, волнуясь, рассказала,
письма их читать не дав, но на скамейке у вокзала
говоря с ним откровенно, ртом вдыхая ингалятор.

А чуть позже внутривенно врач вводил ей стимулятор.
(пер. авг. 03)

Загрустившая, смиренная; каждым солнцем, в каждом кратере

смотрит вечная Вселенная на мальчика глазами матери.

Чем отвлечь его; обновами, украшениями старыми;
может звёздами сверхновыми, может древними квазарами,

да двойными переменными, да людьми разноплеменными,

чёрными, как пекло, дырами, Ми'рами, мира'ми, мирром и... (не ок.)

Железный марш

Эту заповедь помни до гроба ты; люди— твари тупые и праздные!

Мы ж— логично-разумные роботы, ЭВМ человекообразные.

Наши ткани, покровы— искусственны. Так за/думали наши создатели.

Мы жестоки, коварны, безчувственны. Провокаторы мы и предатели.

Мы страшны своей сверхчеловечностью. Мы ужасны своей на/дприродностью.

Автоматы, крещённые Вечностью с технокастовой неод-

народностью.

Глубже в космос, земли экзекуторы в Балтиморе, Шанхае и Выборге!

Марш, со спесью арийской компьютеры! В путь, золотоордынские киборги! перед.96

Лежу в темноте; то— ли сплю, то— ли нет. В зашторенной комнате тихо.

Лишь как-то пробился сквозь щелочку свет. И сердцем предчувствую лихо.

Застывшую душу прошибла слеза. Стал пульс неуверенно биться.

Глядь; некие образы на образа и ну по карнизам клубиться.

И вдруг родился из могильных огней, из красок на чьем-то мольберте

табун ошалелых троянских коней, гонимых предвестницей смерти.

И словно бы жизнь перестала дышать. Мир сжался в предчувствии взрыва.

Не выдержал кто-то, рванулся бежать и ... вниз головою с обрыва.

Проклятия кличу на берег чужой: "На кой нам троянские кони!"

Укутался простыню, как паранджой, к лицу прижимая ла/дони...

Очнулся дрова, весь в холодном поту. Исчезли кошмарные тени.

Увидел весенней земли красоту и встал перед ней на колени.

И с радостью впитывал весь этот мир, его ароматы и краски... (не ок.)

В вагоне

Трясусь в вагоне после зноя дня. Сухая грудь с трудом скрывает жажду.

Усталость навалилась на меня. Закрыв глаза, мечтаю я и стражду.

Припав в горах к хрустальному ключу, до ломоты студёную пью воду.

Внимаю белых эльфов хороводу, и в вечер с нежно—снежными лечу.

Оранжевый взяв в руку апельсин, рукой другою кожуру снимаю,

и получив по Скайпу appel* Син** жизнь с полнотою всею понимаю.

Окрашенное небо в серый тон. Пью красоту раскрепощённой позы.

Срываю на заре земли бутон. Как хороши, как свежи были розы!

На лепестках упругих капельки росы. Как из девичьего

фонтана слёзы.

О сколько нежности и гордой в них красы! Как хороши,
как свежи были розы!

*Звонок (фран.) **здесь, имя. Син/шин— предпоследняя
буква в иврите. 75 и 97

Моллюск

Кто видал пучины океана? Кто когда мечтал их покорить?
Это будет поздно или рано. Но об этом рано говорить.

Только я, выдавший виды, старый, замкнутый в себе боль-
ной моллюск,

опускался в мрачные тартары и ослеп от этого, обрюзг.
Одиноко было и тоскливо. Только временами я мечтал;
и, играя волнами прилива, щупальца спрут в косы запле-
тал.

Баловницы, ра/дужные рыбки, тормозили важную звез-
ду,

вызывая тёплые улыбки, и скрывались в шельфовом са/
ду.

Меж подводных лилий и актиний весело скакал морской
конёк,

обгоняя блики пятен, линий; как в погожий солнечный
денёк.

Но, однажды, жёлтую песчинку занесло в мой холостяц-
кий дом.

Спеленал её я, как личинку. И с тех пор мы стали жить вдвоём.

Время шло. Росла и хорошела, радуя своей голубизной. Мирно спит. Уже почти созрела. Я же покрывался сединами.

Но кому растил я это чудо? Кто увидит необычный цвет? И решил я плыть туда, откуда ниспа/дает в волны солнца свет.

И теперь жемчужина в короне, как девичий полный неги глаз.

Ну а я ведь ей не посторонний. Обо мне кто знает что из вас?

Но не будь я чуточку поэтом с безкорыстной детской душой.

Разве бы она лучилась светом; разве б увидала мир большой?

И почему я не художник, который к радости других; патлатый молодой безбожник; рисует девушек нагих, цветы, соборы, рощи, парки, полей и неба семицвет, и блики прошлого, и барки на горизонте, и рассвет, что полыхая на/д волнами, в себя их черноту впитал, и солнце раннее на/д нами, как остывающий металл. Нов и талантлив он безспорно. Консерватизму вопреки, рисует, пишет непокорно одним волнением руки. Бурчу, срывая подорожник, в претензии на целый свет:

"Ну почему я не художник, а доморощенный поэт!?"

Пронзил моё сердце Амур любви золотою стрелой.

Я весел, я грустен, я хмур когда нет тебя и с тобой.

Порою не сплю по ночам и имя твоё на губах.

Не ра/д солнца первым лучам, прохла/де одетых рубах.

Обнять бы горячий твой стан, к устам твоим алым при-
пасть,

и вызвать безумную страсть, любя, как Изольду Тристан.

Я часто себе так велю, но всё не решаюсь никак

признаться тебе, что люблю. ~76-77

Я часто в эти дни вспылён. Хочу, но не могу и не решаюсь
поцеловать тебя. Лишь тем и утешаюсь, что, кажется, в
тебя влюблён.

До свиданья, моя первая настоящая любовь.

я тебя уже, наверное, не увижу больше вновь.

Где-то за Кироваба/д увезут меня, и армия

будет хуже, чем дисбат. Стану драить пол в казарме я,
словно раб, пахать как вол, брань снося и произвол.

Только будешь ты мне помниться, только будешь ты мне
сниться,

моя милая бездомница, кареокая жар-птица. ~78 и 96

А Р М Е Й С К О Е

Классно было на "гражданке" Вот такая карусель.
А теперь мотай портянки, кашу жри и пей кисель.
Всё зелёное; казармы, сосны, форма и трава.
И сержанты, как жандармы; клеят нам свои права.
Всюду новые порядки. Каждый день с шести утра,
начиная с физзарядки, начинается муштра.

"Вспышка слева" "Вспышка сза/ди" Каждый лезет по-
учить.

Ах вы, долбаные бляди, может хватит нас дрочить!?
А лишь только вечереет, младший комсостав звереет;
делаем "Подъём-Отбой" Вскоре им на/доедает.

Свет в казарме вырубают. Спи, салага, чёрт с тобой! 78

Балашиха

Мы недавно расстались с пилотками. Чуть пораньше про-
стились мы с мамами.

Цедим зной обожжёнными глотками, прикрываясь от
солнца панاماми.

Вон из пекла казарм; а/дски душными казематы со стена-
ми голыми...

Хватит робкими быть и тщедушными! Породнимся с та-
таро– монголами!

Комары к ночи из чахлой зелени к нам в постели прут;
оборзели они.

Сплошь искусаны ими "годки" "молодые" и "старики"

Где-то рядом пасётся верблюдица со своими двумя верблюжатами.

Я тяну в чайхане жар из блюдаца, дуя на воду губами сжатыми,

соревнуясь с ребятами многими, казашатами сплошь боконогими,

что степными несутся аулами, в спины ветром тугим подгоняемы,

пропылённые, с жёлтыми скулами. От свободы своей неменяемы.

78 Шевченко и 96 Монреаль

Валентине Николаевне Пэнь, руководителю джанкойского Пэн(ь)клуба, посвящаю

Спим на крыше; сони. Что ж, ребята, спите?
Здесь вам— не в Херсоне! Если ж кто и с Пите-
ра... К нам из Гаскони в дождевом озоне
воронье кони мчатся по промзоне.

Что их гонит вза_шей? Бешено— игривы.
Знать аркан казаший в их вплетётся гривы.

Под палящим небом; пять минут на воле;
подойду к ним с хлебом, вываленным в соли,
и со жменей гречки. Отведу их к речке.

Соскребу с них копоть. Буду гла/дить, хлопать...
Год ещё в вертепе. Да и нет тут речки.

Не сбежать во степи, кони— "человечки" ~78 и 94

Вокруг меня— почти враги. Кто; полулюди, полужвери?
Их осторожные шаги весь день слышны у моей двери.
Глаза их кровью налиты; внезапной з/лобою сверкают.
И полудикие черты происхожденье намекают.
За дверь почти не выхожу. И так все тело в их укусах.
Сейчас немного расскажу о слабовольных жалких трусах.
Идут они на поводу у крупных особей и сильных,
неся покорную узду на мордах выпачканных, мыльных.
А будет отдан им приказ, начнут они лягать, кусаться,
с бездумной з/лобою бросаться на вас, не ждавших их
"проказ"

А за окном бушует жизнь, кла/дя на холст галлоны крас-
ки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.